

**ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ**

**ON THE INTERPRETATION OF CRIMINAL BEHAVIOR
IN THE CONTEXT OF ANALYTICAL PSYCHOLOGY**

Сергиенко Александр Сергеевич,

*заместитель начальника кафедры огневой
подготовки Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат психологических наук*

al.s.krsk@yandex.ru

Ключевые слова:

аналитическая психология, юнгианский анализ, архетип, преступное поведение, личность преступника.

В статье рассматривается возможность применения методов аналитической психологии для интерпретации делинквентного поведения и нивелирования его отдельных негативных проявлений, рассмотрены базовые категории аналитической психологии и приведены тенденции ее современного развития.

Автором обосновывается идея о том, что методы юнгианского анализа могут быть наиболее результативны в ситуациях, когда диалог необходимо строить с лицами, демонстрирующими признаки девиантного поведения, имеющими различные психические расстройства, либо в иных ситуациях, когда субъект не имеет возможности объяснить (описать) свое состояние или свои действия в рациональных категориях, например в силу возраста.

Keywords:

analytical psychology, Jungian analysis, archetype, criminal behavior, criminal personality.

The article considers the possibility of applying the methods of analytical psychology for the interpretation of delinquent behavior and leveling its individual negative manifestations, considers the basic categories of analytical psychology and shows the trends of its modern development. The author substantiates the idea that the methods of Jungian

analysis can be most effective in situations when it is necessary to build a dialogue with persons showing signs of deviant behavior, having various mental disorders, or in other situations when the subject is unable to explain (describe) his condition or his actions in rational categories, for example, due to age.

Интерес к различным формам делинквентного поведения является традиционным для юридических, социальных и психологических наук. Если на этапе появления первых источников уголовного права оно толковалось преимущественно в категориях христианского вероучения, оперируя пониманием преступления как греховного деяния, то в дальнейшем эти модели постепенно обрели черты научного знания.

По официальной информации МВД России, оперативная обстановка в стране является стабильной, а число убийств и покушений на убийство в январе-мае 2021 г. уменьшилось на 3,8%, умышленных причинений тяжкого вреда здоровью – на 11,9%¹. Но наличие насильственных преступлений, лишенных каких-либо корыстных мотивов, не укладывающихся в рамки привычных причинно-следственных связей и одновременно поражающих своей жестокостью, не позволяет отказаться от постоянного научного поиска. Так, в первом полугодии 2021 г. произошли два резонансных преступления: 16 марта – массовый расстрел женщин азиатского происхождения в Атланте Р.А. Лонгом, 11 мая – массовый расстрел учеников и преподавателей гимназии № 175 г. Казани И. Галявиевым (19 лет).

В настоящее время существует множество работ, посвященных анализу причин такого поведения, условиям, способствующим их распространению, особенностям личности преступника, специфике его социализации, делинквентным субкультурам, вопросам профилактики и предупреждения правонарушений и ряду других проблем. Так, сложно не согласиться с мнением о том, что «лицам, совершившим массовые убийства, свойственны признаки делинквентного поведения. Система смысловой регуляции личности, имеющей делинквентные признаки, подвержена деформации по таким основным направлениям, как искажение неформально обусловленных ценностей, потребность в субкультуре, диспропорция в соотношении ценностной и потребностной индивидуальной смысловой регуляции, искажение структурной организации смысловых систем и степени осознанности смысловых ориентиров» [5, с. 101].

¹ Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total.

В попытках объяснить причины преступного поведения ученые-исследователи стремились заглянуть в самые глубокие и потаенные уголки человеческой психики, скрытые от наблюдателя как индивидуальными социально-психологическими наслоениями, так и отдалением во времени, таящиеся в нашей биологической, еще дочеловеческой природе. Пожалуй, никто из исследователей не продвинулся одновременно в обоих указанных направлениях так, как это сделал один из родоначальников психоанализа, основоположник аналитической психологии швейцарский психиатр К.Г. Юнг. Его научные интересы были далеки от криминологии и юридической психологии, да и оставленное им интеллектуальное наследие очень неоднозначно. Так, Т.А. Ребеко² отмечала, что юнгианское учение не соответствует критериям научного знания (данное замечание не без оснований неоднократно делалось различными учеными в отношении всего психоанализа). Кроме этого, по мнению исследователя, когда К.Г. Юнг занимался практикой, он не слишком часто использовал свои теоретические конструкты, что свидетельствует в пользу их схоластической природы.

Одним из ключевых понятий аналитической психологии является архетип (в переводе с греческого – первообраз, прообраз). Юнг не оставил полноценной и разработанной классификации архетипов. В его работах подробно описаны следующие архетипы: Персона, Тень, Анима, Анимус, Самость. Менее подробно, но достаточно, чтобы составить о них представление, описаны Мать (Душа), Отец, Ребенок, Мудрец, Бог, Герой, Трикстер.

Почему именно эти архетипы и по какому признаку они были выделены – не совсем понятно. Можно предположить, что в основу классификации положена разработанная К.Г. Юнгом дихотомия – 4 пары признаков, которые в дальнейшем послужили для основы типологии личности, однако это не так. В результате отсутствия понятной методологической основы после К.Г. Юнга спектр и количество архетипов значительно расширились. В настоящее время наиболее известна классификация, созданная К. Пирсон и Х. Марром, которая состояла из 12 архетипов: Простодушный (Ребенок), Мудрец, Искатель, Бунтарь, Маг, Герой, Любовник (Эстет), Шут, Друг (Славный малый), Заботливый (Опекун), Правитель, Творец.

Указанные моменты, к которым можно добавить еще и, например, касающиеся модели структуры личности, должны поставить под сомнение целесообразность использования юнгианской теории при решении научных задач на современном этапе, но в действительности этого не происходит. Идеи К.Г. Юнга развиваются в трудах последователей (Д. Кэмпбелл, Э. Самуэлс, Д. Хиллман, И. Якоби и др.) в рамках аналитической психологии, используются

² Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН, член Ученого совета Института психологии РАН, заведующий кафедрой аналитической психологии Государственного академического университета гуманитарных наук.

для решения научных задач в других областях. Так, ряд работ заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора Ю.М. Антоняна посвящены раскрытию понятия архетипа и возможностям архетипических объяснений различных криминологических явлений [1; 2].

В эволюции юнгианской теории отчетливо читается тенденция к упрощению и наглядности, обусловленная стремлением превратить ее из нагромождения абстрактных философско-психологических категорий в удобный и понятный инструмент решения практических задач.

Проблема негенетического наследования информации, его сопоставление с генетическим наследованием, а также выявление особенностей данного процесса вызывают интерес исследователей, поскольку «в обществе, благодаря кумулятивному характеру социокультурного развития, массив необходимых форм деятельности и знаний значительно превышает возможности отдельных индивидов и не может кодироваться и транслироваться только посредством механизмов генетического наследования» [4]. Отчасти эту же проблему пытался решить и К.Г. Юнг, но даже ключевые понятия своего учения он определил настолько нечетко, что они понимаются скорее интуитивно и допускают вариативность в толковании.

Выдвинув предположение о том, что кроме личного бессознательного (уже рассматриваемого в рамках психоанализа, в частности в работах З. Фрейда) существует еще более глубокий пласт психики – коллективное бессознательное, к которому относятся образцы поведения и мышления (архетипы), К.Г. Юнг дал перечень их признаков.

Коллективное бессознательное по своей сути есть родовая наследуемая готовность поступать каким-то образом. Следовательно, эта готовность влияет на сознание каждого конкретного человека.

Архетип сам по себе пуст и чисто формален, это всего лишь возможность существования [6, с. 177]. Или в другом переводе «он есть не что иное, как возможность репрезентации, которая задана априори. Наследуются не сами репрезентации, а только формы» [7, с. 101].

«Вопреки мнению Юнга архетип сам по себе не пуст и не формален, хотя это и «преформирующая способность», данная а priori» [2, с. 152], – указывает Ю.М. Антонян, и далее поясняет, что архетип неразрывно связан с конкретными образами, он «открывается сознанию через архетипические образы», выступая общей основой и источником этих образов, выражая определенную человеческую потребность.

Личность вначале наблюдает отдельные архетипы (героя, великой матери, учителя и т.д.), а затем делает вывод, что каждый из них выражает нечто более общее. Таким путем происходит презентация архетипа в сознании [1, с. 6-14].

Возникает логичный вопрос: может ли феномен, который описывает автор, называться «архетипом», если его смысловое наполнение значительно отличается от того, которое вкладывал в этот термин К.Г. Юнг?

Сам К.Г. Юнг подчеркивал, что утверждение об определенности архетипа в отношении его содержания является ошибочным. Он отмечал: «В психике каждого человека содержатся неосознаваемые, но в то же время активные формы – предрасположенности, идеи в платоновском смысле, которые не только предопределяют наши мысли, чувства и действия, но и постоянно оказывают на них влияние» [7, с. 100].

Юнг пояснял, что все мифологические образы соответствуют внутренним душевным переживаниям и первоначально произошли именно от них. Следовательно, причины действий человека, например связанных с необоснованной жестокостью, могут скрываться в глубинах личности преступника и определяться актуализированными архетипами.

По мнению Е.В. Ильюк, «каннибализм, инцест, убийства детей, бесчисленные тоталитарные деспотии и другие криминальные явления современного мира говорят о том, что коллективный, общечеловеческий негативный опыт имеет тенденцию к повторению. Архетипы передаются в процессе всей социализации личности, усвоения ею части мирового человеческого опыта» [3].

В средствах массовой информации опубликованы отрывки из допроса И. Галявиева, в которых он дает пояснения о причинах своего поступка: «Я – бог. Считаю, что, убивая людей, я совершил правильный поступок. Я осознал себя богом не сразу, месяца два назад. А летом у меня начал пробуждаться монстр, конкретно. Я всех начал ненавидеть. Я всегда всех ненавидел и начал еще больше ненавидеть»³.

«Школьные стрелки» являются особой категорией преступников. Большинство исследователей этой проблемы отмечают, что нет специфических симптомов, личностных особенностей или условий, объединяющих людей, совершивших массовую стрельбу в школах. Возможно, это объясняется тем, что такие преступления в общей массе совершаются достаточно редко и эмпирическая база является недостаточной для выявления каких-либо закономерностей. Но на данном отдельном примере можно проследить, как произошло нарушение самоидентификации личности и формирование сверхценной идеи. Такая трансформация носила катастрофический характер для самого преступника, а также для людей, пострадавших от его действий.

В рамках понятных нам причинно-следственных связей действия И. Галявиева лишены смысла. Но действие совершено, следовательно, его при-

³ URL: <https://forpostsevastopol.ru/accident/ja-osoznal-chto-ja-bog-kazanskij-strelok-rasskazal-pochemu-poshel-ubivat-detej/>.

чины сокрыты в девиантных особенностях личности, спрятанных под «маской».

Маска в юнгианской теории – это Персона (лат. *persona* – актерская маска) – конструкт, образованный как отклик человека одновременно на врожденную сексуальность как проявленность животного начала и общественные установки, прежде всего систему социальных запретов и ожиданий.

Чрезмерное отождествление своего Я с Персоной, по мнению многих авторов, опасно потерей индивидуальности. Это не совсем верно, поскольку опасностей гораздо больше – их выявление и последующее нивелирование является одним из важных вопросов аналитической психологии. Восприятие себя исключительно как социального образа способствует выстраиванию специфической системы запретов и стимулов, соответствующих выбранной социальной роли, подавлению тех личностных черт, которые этой роли не соответствуют.

Слабо адаптированная Персона, напротив, может быть проявлена как низкая приспособляемость к окружающему миру и вызывать серьезные проблемы в социализации.

Проиллюстрируем данный тезис, приведя слова уполномоченного по правам ребенка в Татарстане И. Волынец: «Гаялиев из благополучной семьи, он учился в престижном вузе, учебу в котором родители имели возможность оплачивать. С финансовой точки зрения семья благополучная. Но на уровне личных отношений контакта у ребенка с родителями не было. И как раз из-за этого затяжного конфликта он от них и съехал»⁴.

Не реализованные в ходе социализации потребности не исчезают. Оставаясь бессознательными, они образуют Тень – личное психическое содержание, которое личность не позволяет себе сознательно – аморальные, абсолютно неприемлемые желания. Скрытые и не признаваемые части личности оказывают значительное влияние на поведение, особенно в критичных и сложных ситуациях.

Тень пробуждает в человеке такие эмоции, как вина, стыд, агрессия, зависть и даже ненависть, потому что конфликт между коллективными ценностями Персоны вступает в противоречие с Тенью. Это создает напряжение между двумя полюсами Эго, стимулируя выработку нового отношения к жизни.

Нарушение баланса между Персоной и Тенью, согласно теории К.Г. Юнга, крайне негативно влияет на становление личности, ее психологическое развитие, в ходе которого реализуются индивидуальные задатки и уникальные особенности человека (в аналитической психологии этот процесс называется индивидуацией).

Сильная Тень не способна интегрироваться с Персоной, в каком-то смысле она подавляет ее. Результатом такой диссоциации является отчуждение личности от реальности. Вдохновившись идеями насилия и собственного превос-

4 URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2550842/>.

ходства, такая личность все глубже погружается в мир фантазий, обретая психотические черты.

В сочетании с некоторыми девиациями такие установки незаметно для окружающих и, что важнее, незаметно для самого человека очень быстро превращаются в сверхценные образования удивительной разрушительной силы. Например, отдельные акцентуации способствуют чрезмерному эмоциональному отклику личности на различные, даже незначительные стимулы. Такие люди очень мнительны, видя потенциальную угрозу повсюду, склонны обижаться на то, что не кажется обидным большинству людей и как следствие – занимают агрессивно-оборонительную позицию в отношениях с окружающими, получая ответный негативный отклик.

В осознании своей Тени и Персоны, встраивании гармоничных отношений между различными аспектами личности для последующих позитивных изменений значительную помощь способен оказать юнгианский анализ. Образность и метафоричность этого метода позволяют работать даже с детьми, например в ходе психологического сопровождения учеников школ, имеющих проблемы с дисциплиной и (или) успеваемостью либо переживших некие травмирующие события. Не готовый к серьезному «взрослому» диалогу ребенок, опираясь на сюжеты сказок и мифов, заключенные в них символы, способен легко выразить самые сильные и болезненные переживания.

Особенности теоретических положений аналитической психологии и используемого в юнгианском анализе инструментария делают их не слишком удобным средством интерпретации и последующего нивелирования преступного поведения. Вместе с тем, дополняя иные, более привычные методы психодиагностики и терапии, юнгианский анализ способен дать очень важные результаты, возможно, недостижимые другими средствами.

Обращаясь к бессознательной части психики, специалист использует символы и образы, потому что именно они согласно теории К.Г. Юнга являются проводниками, отражающими то, что мы в действительности чувствуем, а значит, и то, что потенциально можем проанализировать и осознать. На языке символов строится диалог между бессознательным и сознанием. Выстраивая такой диалог, специалист получает уникальную возможность не только находить в нем причины нежелательного поведения человека, но и менять его сознательную установку.

Результаты проведенного исследования проблемы интерпретации (истолкования) преступного поведения, опираясь на положения аналитической психологии К.Г. Юнга, безусловно, интересны и требуют дальнейшего изучения. Вместе с тем уже на данном этапе проработки темы можно сделать ряд выводов.

Теория К.Г. Юнга не имеет должного эмпирического обоснования (проверки), при этом включает теоретические конструкты из других областей знания – мифологии, философии, астрологии, культурологии и др., что не только затрудняет понимание ее положений, но и ограничивает ее использование при решении прикладных задач.

В рамках юнгианского анализа возможен диалог бессознательными компонентами человеческой психики на максимально неискаженном языке – языке символов. Это обстоятельство становится наиболее важным в ситуациях, когда диалог необходимо строить с лицами, демонстрирующими признаки девиантного поведения, имеющими различные психические расстройства, либо в иных ситуациях, когда субъект не имеет возможности объяснить (описать) свое состояние или свои действия в рациональных категориях, например в силу возраста.

Эта особенность юнгианского анализа поддерживает интерес к нему и является одним из основных факторов эволюции теории К.Г. Юнга на современном этапе. Особый интерес вызывает возможность применения рассмотренной теории в контексте анализа насильственных преступлений, мотив которых неочевиден, включая массовые или серийные убийства, а также преступлений, отличающихся особой жестокостью.

Библиографический список

1. Антонян, Ю.М. Возможности архетипических объяснений криминологических явлений / Ю.М. Антонян // Прикладная юридическая психология. – 2007. – № 1. – С. 6-14.
2. Антонян, Ю.М. Основные признаки архетипа / Ю.М. Антонян // Общество и право. – 2007. – № 3(17). – С. 152-158.
3. Ильюк, Е.В. Архетип криминального и виктимного поведения / Е.В. Ильюк // Виктимология. – 2017. – № 2(12). – С. 39-45.
4. Суховерхов, А.В. Негенетические системы наследования и новый эволюционный синтез / А.В. Суховерхов // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 397. – С. 60-64.
5. Тепляшин, П.В. Криминологические особенности личности организованного преступника, совершившего массовые убийства / П.В. Тепляшин, Е.Е. Артюхович, С.С. Зубарева // Современное право. – 2018. – № 4. – С. 99-102.
6. Юнг, К.Г. Алхимия снов. Четыре Архетипа / К.Г. Юнг ; пер. С. Пантелеев. – М. : Медков С.Б., 2014.
7. Юнг, К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К.Г. Юнг ; пер. А.А. Чечина. – М. : АСТ, 2019.